

УДК 316.74:37(063)

Функции высшего образования: вчера, сегодня, завтра

Виль Бакиров,

доктор социологических наук, профессор,

академик НАН Украины,

член-корреспондент НАПН Украины,

ректор,

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,

В наши дни наблюдается множество новых тенденций, меняющих, прежде всего, институциональный базис высшего образования. Они достаточно полно охарактеризованы в специальной литературе. Это появление новых «провайдеров» образовательных услуг, массовизация высшего образования, развитие информационно-компьютерных технологий и массового дистанционного электронного обучения, переориентация университетов на предпринимательские модели оказания образовательных услуг («академический капитализм») и другие. В то же время мы мало задумываемся о миссии и социальных функциях высшего образования, о его роли в современном цивилизационном развитии, сводя ее по умолчанию к подготовке высококвалифицированной креативной рабочей силы, способной находить себе применение на динамичных трудовых рынках постиндустриальной экономики. Остается вне внимания вопрос о том, насколько такой подход соответствует вызовам нашего времени, насколько он согласован с общей цивилизационной ситуацией, отличающей нашу эпоху.

Проблема функций высшего образования обсуждается с самого момента его возникновения. Они неоднократно видоизменялись и переосмысливались, отражая особенности своей эпохи.

Начиная с самых истоков, высшее образование обогащало сознание обучающихся высшими достижениями человеческой мудрости, раскрепощало их интеллект, возводило их к высшим сферам духовных поисков. Первые европейские высшие учебные заведения возникают в античной Греции. Прежде всего, это Академия Платона, в которой обучались молодые люди со всех уголков Эллады. И Платон, и Аристотель трактовали главную функцию высшего образования как воспитание достойных граждан государства, говоря современным языком, элиты. Для общественных низов предназначалось образование профессиональное, обучение ремеслам. Академия Платона была, прежде всего, местом нравственного совершенствования. Платон, несомненно, исходил из педагогической парадигмы, обосновывал программу воспитания просвещенных философов-правителей, призванных успешно управлять процветающим государством. «Цель высшего образования, основными компонентами которого являются математика и диалектика, не есть, по Платону, сбор информации, «знаний ради знаний» или приобретение практических навыков, а «поворот души от некоего сумеречного дня к истинному дню бытия». Переориентированный таким образом человек поднимется над погружением в приземленный эмпири-

ческий опыт к четкому пониманию порядка вещей, без которого его мнения, даже если они верны, не составляют прочного знания — единственного, дающего эффективное и стабильное руководство в жизни» [1]. Педагогические идеи Платона носят спорный характер с позиций современного либерализма, критикуются за признание необходимости ограничения ценностного самоопределения учащихся, за «элитарный» подход, признающий право на высшее образование только за теми, кто обладает достаточными природными способностями, но отнюдь не за всеми, кто этого пожелает. Действительно, эти идеи, на первый взгляд, плохо совместимы с бурной массовизацией современного высшего образования, с призывами к максимальному расширению его доступности. Но платоновское акцентирование нравственных задач образования превращается сегодня, на наш взгляд, в один из главных императивов трансформации высшего образования, определяет одно из важнейших направлений его развития.

В полной мере высшее образование оформляется как социальный институт с относительно четкими и конкретными функциями в средние века, с возникновением первых европейских университетов. Они возникают в конце XII — начале XIII века как профессиональные корпорации, институционализирующие интеллектуальный труд. Основной социальной функцией университетского высшего образования было превращение умственного труда в светскую профессию, привнесение научных знаний в целый ряд важных профессиональных практик, таких как медицина, юриспруденция. Уже не моральное, а интеллектуальное совершенствование личности оказывается в фокусе высшего образования. Познание как таковое, познание как самоцель, познание ради самого познания — движущий мотив высшего образования в эту эпоху, в которой, собственно, и оформляется образ университета как «башни из слоновой кости», отгороженной от большинства практических житейских

проблем и забот, защищающей академические свободы от посягательств государства и церкви. Миссия университетов осознается как поиск истины, независимо от когнитивных особенностей той или иной сферы мыслительной активности университетских людей. Если трактовать функциональный смысл высшего образования того времени, то он сводился явно и неявно к секуляризации интеллектуальной деятельности, к формированию сословия профессиональных интеллектуалов, в конечном счете, благотворно влияющего на хозяйственную и политическую жизнь территорий, на которых располагались первые университеты, и на благосостояние государственных образований в целом.

Переход к индустриальной стадии исторического развития самым существенным образом связан с изменением и обогащением социальных функций высшего образования. В конце XVIII — начале XIX века возникают новые университеты как в Западной и Центральной Европе, так и на европейском востоке. Университеты «второй волны» создаются под конкретные социально-экономические и политико-правовые задачи, прежде всего с целью профессиональной подготовки кадров для бурно растущей промышленности и для столь же бурно растущей государственной бюрократической машины. Со всей определенностью новое функциональное содержание высшего образования было представлено в наполеоновской реформе, заместившей классические университеты инженерными школами, готовившими квалифицированных специалистов для потребностей промышленного производства. Но и в других европейских странах, там, где институтами высшего образования оставались университеты, они существенно изменяли свои социальные функции. Кроме функции подготовки кадров для индустриального сектора и государственного управления, в этот период высшее образование также обеспечивало функцию формирования и укрепления

национально-культурной идентичности государств-наций, выходявших на историческую арену. Университеты, высшие учебные заведения эпохи Модерна становились центрами идеологического обоснования национальных интересов государств, формирования национально-культурной идентичности их граждан.

Из центров космополитического дискурса, каковыми университеты были в средние века, они превращались в центры национального и патриотического воспитания. Это триединство социальных функций высшего образования — подготовка кадров для промышленности, подготовка кадров для государственного аппарата, обоснование национально-культурной идентичности — сохранялось до последней трети XX века. Разумеется, в различных социально-политических, социально-культурных контекстах, по разные стороны «железного занавеса» эти функции выполнялись по-разному. С разной степенью университетской автономии и академических свобод, с разной мерой уважения к универсальным духовным и интеллектуальным ценностям, к личности профессора и студента. Но, тем не менее, в конечном счете, они были именно таковыми до появления первых признаков глобализации, постиндустриальной экономики и выхода на мировую арену транснациональных экономических и политических игроков, мощных международных корпораций и международной политической бюрократии. В этот период слабеют национальные государства, развиваются глобальные экономические и культурные рынки, начинают формироваться транснациональные научно-образовательные пространства. Идеи национального своеобразия, национально-культурной идентичности подвергаются давлению идей космополитизма, мультикультурализма и глобализма.

Нетрудно видеть, что высшее образование в этих условиях существенно изменяет не только свои институциональные модели, содержание и технологии, но, конечно же, и социальные функции.

Первое. Происходит перенос центра тяжести с подготовки кадров для индустриальной экономики на подготовку работников постиндустриальных секторов. Высшее образование фокусируется сегодня на подготовке специалистов для постиндустриальных секторов экономики, для информационно-коммуникативных технологий, связанных преимущественно с банковско-финансовой, торговой сферами, с сервисными функциями, с социальными коммуникациями, индустрией развлечений и т. п. Безусловно, высшие учебные заведения продолжают готовить специалистов для машиностроения, транспорта, энергетики и других традиционных отраслей хозяйства. Но в массе своей они готовят людей для постиндустриальной экономики, что предполагает иной уровень, иное содержание их функциональной подготовки, иные формы взаимодействия обучающихся и обучаемых и т. д. И это обнаруживает себя в мотивации абитуриентов и студентов, массово ориентированных на карьеру в постиндустриальных структурах.

Второе. Высшее образование перестает быть ориентированным на национальные рынки труда и все больше переключается на подготовку специалистов, способных найти применение за рубежом, перемещаться из страны в страну, иметь профессиональные компетентности, необходимые для работы в интернациональных командах, в том числе и навыки межкультурной коммуникации.

Третье. Высшее образование готовит кадры управленцев уже не столько для государственного аппарата, сколько для бизнес-структур, формируя у выпускников способности работать по качественно иным управленческим стандартам.

Четвертое. Высшее образование все больше служит процессам восходящей социальной мобильности, выполняет функцию обслуживания многочисленных социальных лифтов, открывая возможность способным и целеустремленным представителям низших классов и слоев повышать свой социальный статус и

преодолевать традиционную социально-классовую замкнутость.

Пятое. Высшее образование постепенно превращается в важный институт социальной помощи и поддержки. Высшие учебные заведения берут на себя функции помощи студентам в трудоустройстве, в профессиональной карьере, оказывают поддержку малообеспеченным студентам, студентам с особыми потребностями, помогают социализироваться студентам-сиротам, студентам из неблагополучных семей. Нельзя не сказать и о том, что обучение в высших учебных заведениях существенно смягчает негативные социальные последствия безработицы среди молодежи, позволяет им быть занятыми, получая при этом дополнительную социализацию и увеличивая свой социальный капитал.

И все же, если говорить о трансформации функций высшего образования, нужно обратить внимание на то, что нынешняя социокультурная ситуация постепенно актуализирует античную, платоновскую парадигму, о которой шла речь ранее.

Все вышеупомянутые пять социальных функций высшего образования постиндустриальной эпохи сами по себе не обеспечивают социальную устойчивость и социальный прогресс. Они должны быть подчинены некоему общему знаменателю, превращающему деятельность многочисленных и разнообразных высших учебных заведений в прочный фундамент современного общества, подверженного множеству опасных рисков, приближающих его к деградации и гибели. В наши дни стал очевидным колоссальный разрыв между технологическим и нравственным развитием человечества. Невероятные технические изобретения и усовершенствования не делают жизнь людей более безопасной, комфортной и счастливой, а наоборот, делают ее более проблемной, противоречивой и трагичной, лишают смысла, наполняют абсурдом. Повсеместно ощущается моральный вакуум, выветривание элементарных

общечеловеческих ценностей, которое оборачивается разрушительным религиозным и национальным фундаментализмом. Это, в том числе, и результат технократической менеджерской парадигмы высшего образования, утвердившейся в эпоху Модерна. До поры до времени она компенсировалась функцией национально-культурной идентификации. Но с ослаблением, а то и полным исчезновением последней, высшее образование сосредоточилось, прежде всего, на формировании у студентов технократических и менеджерских компетентностей. Справедливо выступая против морализаторства и идеологического диктата, высшее образование провозгласило свободу от ценностей, устранилось от аксиологического дискурса и вывело за пределы профессиональной подготовки все, что еще в античные времена составляло сердцевину образования человека, что делало его собственно человеком, то есть приобщение к нравственности. По сути, закрыло глаза на вторую часть формулы И. Канта, изумляясь звездному небу над человеческой головой, но оставаясь равнодушным к нравственному закону внутри человека. В «Колыбели для кошки» Курта Воннегута доктор Хоникер изобрел оружие, после испытания которого стало ясно, что Америка может смести целый город одной-единственной бомбой. Некий ученый, обратившись к нему, сказал: «Теперь наука познала грех». И в ответ услышал: «Что такое грех?» [2]. Высшее образование сегодня массово готовит людей, разбирающихся в современных технологиях, создающих эти технологии, но не знающих, что такое «грех», не видящих границ между добром и злом.

Мы должны осознать, что одной из главных причин глубочайшего кризиса современного общества, в его североамериканском, западноевропейском, постсоветском и других вариантах, является забвение фундаментальных нравственных оснований социальной жизни. Без них ни технологические открытия, ни «невидимая рука рынка», ни «разумный

эгоизм», воспетый Айн Рэнд, ни что иное не отведут человечество от края пропасти. Формальных поклонов в адрес абстрактной демократии и абстрактного либерализма недостаточно. Нужно построение и совершенствование образовательной системы, способной готовить не просто эффективных технократов (не только в технической, но и социальной сфере), но технократов с гуманистическим, нравственным мышлением.

Способно ли современное высшее образование вернуться к «педагогической» парадигме высшего образования в платоновской интерпретации, то есть формировать не только успешных профессионалов, но и достойных граждан, нравственных личностей? Не впадаем ли мы, говоря об этом, в утопическое пустословие? Вопрос, на который трудно ответить теоретически, еще труднее — практически. Но другого социального института, способного вернуть нравственное сознание в общественную жизнь, пока не придумано. Выбрасывая из учебных программ и планов все, что связано с гуманитарной культурой, все, что прямо или опосредованно помогает молодым людям ориентироваться в лабиринтах морального скептицизма и релятивизма, мы должны осознавать, что тем самым усугубляем и без того критический дисбаланс суммы технологий и суммы морали. Но это еще не все. Безусловно, социально-гуманитарные дисциплины обладают большим воспитательным воздействием, открывая перед молодыми людьми широкие и разнообразные ценностные пространства, демонстрируя духовное и нравственное содержание человеческого опыта, обогащая их возможности ценностного самоопределения. Но было бы большим упрощением полагать, что формирование нравственной личности определяется преподаванием таких курсов. Необходимо иное построение целостного процесса преподавания, развитие субъект-субъектной коммуникации профессором и студентом, нужна иная, смысловая архитектура всей тотальности образовательного процесса, позволяющая наполнять его адек-

ватным ценностным содержанием. Об этом, в частности, пишут Огурцов и Платонов, характеризуя принципы гуманитарной философии образования: «Если в традиции эмпирико-аналитической философии задача образования усматривается в каузально-аналитическом объяснении самой реальности образования и выработке технологически-прикладных знаний, существенных для целерационального действия, то гуманитарная философия образования ориентируется на постижение смысла и на герменевтическую интерпретацию содержания тех актов, которые составляют действительность образования. Если эмпирико-аналитическая традиция в философии образования во многом представляла собой вариант социальной инженерии, которая отвлекалась от ценностей и идеалов соответствующей культуры, от того, что действительность образования существует не сама по себе, а в совокупности действий и взаимоотношений субъектов образования, то в центре гуманитарной философии образования — иная трактовка образования, которое осмысливается как система действий (причем не столько целерациональных, но и ценностно-рациональных) и взаимодействий участников педагогического процесса... И по своему методу гуманитарная философия образования в корне отличается от эмпирико-аналитических направлений. Если эмпирико-аналитическая традиция ориентируется на методы причинного объяснения и каузального анализа, то есть на точные методы классической науки, то гуманитарная философия — на методы понимания, интерпретации смысла действий участников образовательного процесса» [3]. На уровне разработки магистерских и докторских программ эти принципы могут быть чрезвычайно полезны, стимулируя формирование у будущих университетских педагогов новой педагогической культуры.

Современному высшему образованию предстоит совершить грандиозный исторический поворот в сторону педагогики и в сторону нравственности. Это требует

огромных усилий, пересмотра многих методологических оснований и учебного процесса, и воспитания, и перевоспитания самих педагогов. Но есть ли, однако, у нас другой выбор?

Литература

1. Купер, Д. Э. Платон (427–327 до н.э.). Пятьдесят крупнейших мыслителей

об образовании. От Конфуция до Дьюи / Д. Э. Купер. — М. : ИД Высш. шк. экономики, 2012. — 27 с.

2. Воннегут, К. Колыбель для кошки / Курт Воннегут. — М. : Изд-во АСТ, 2001. — 288 с.

3. Огурцов, А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А. П. Огурцов, В. В. Платонов. — СПб. : РХГИ, 2004. — 520 с.

17.02.2015

УДК 316.74:37(063)

Система образования: ресурсы и возможности формирования социального доверия

Екатерина Астахова,
доктор исторических наук, профессор,
ректор,
Харьковский гуманитарный университет
«Народная украинская академия»

 образование начала XXI в. претерпевает такие глубокие и динамичные изменения, которые едва ли можно было спрогнозировать еще 15–20 лет назад. При этом масштабность перемен практически не зависит от региона или страны. Конечно, состояние образования, модели его развития, ресурсоемкость и многие другие составляющие имеют выраженную зависимость от государства, региона и т. д. Но при всех особенностях и различиях, образование — раньше или позже — ощущает на себе влияние глобализационных и глокализационных процессов. Достаточно быстро из ключевой отрасли социально-экономического развития оно превратилось в основу мо-

дернизации общества. Банальным стало утверждение о том, что уровень развития любого государства зависит от качественных характеристик населения, его интеллектуального и образовательного потенциала. Специалисты заговорили о том, что одной из ведущих функций образования становится подготовка конкурентоспособной личности. Именно такой личности, которая, если использовать определение Ортега-и-Гассета, должна «стать вровень со временем» [1].

При этом стоит обратить внимание на тот факт, что речь идет не только и не столько о высшем образовании. Представляется крайне значимым осознание обществом, во всяком случае, в наиболее